

М.В. Довнар-Запольский

**Русская история в очерках и
статьях**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.В. Довнар-Запольский**
Русская история в очерках и статьях: Том 1 / М.В. Довнар-Запольский – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 624 с.

ISBN 978-5-518-05358-8

ISBN 978-5-518-05358-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Финны *).

На огромномъ пространствѣ отъ бассейна Оби до береговъ Балтійскаго моря съ востока на западъ и отъ побережья Бѣлаго моря и Ледовитаго океана до границъ Тамбовской и Воронежской губерній, среди многихъ милліоновъ великорусскаго населенія, до сихъ поръ еще живутъ (на сравнительно небольшихъ островахъ) финскія племена: мансы (югра, остяки и вогулы), коми (пермь, зыряне и пермяки), вотяки, черемисы, мордва, вепсы (весь), эсты, западные финны и лопари. Когда-то, въ первые вѣка нашей эры, въ пору, когда славяне жили еще разрозненною семьей на сравнительно небольшомъ пространствѣ между линіей Припять—Висла на С. и линіей, перерѣзывающей по направленію отъ впаденія Сулы въ Днѣпръ до Карпатовъ верховья Буга, Днѣстра, Прута и Серета, финны были единственными хозяевами этой огромной страны. Заселеніе этой территоріи восточными славянами, незаконченный до

*) *Важн. литература:* Для югры: *Поляковъ*,—„Путешествіе въ долину Оби“. „Зап. Акад. Наукъ“ т. XXX, *Гондатти*,—„Слѣды язычества у инородцевъ Сѣв. Сибири“; *Смирновъ*,—„Остяки и вогулы“ (Вѣстникъ Самообразованія“. 1904, № 2—4); для пермяковъ и зырянъ: *К. Поповъ*—„Зыряне и Зырянской Край“, *Смирновъ*,—„Пермяки“. Каз. 1891; для Вотяковъ: *Берещанинъ*,—„Вотяки Сарапульскаго уѣзда“; *Смирновъ*,—„Вотяки“. Каз. 1890; для черемисъ: *Гаерилловъ*,—„Религіозныя вѣрованія черемисъ“, *Смирновъ*,—„Черемисъ“. Каз. 1889; для мордвы—*Евасьевъ*,—„Произведенія мордовской народной словестности“, *Смирновъ*,—„Мордва“. Каз. 1895 г. *Европеусъ*,—„О народахъ, обитавшихъ въ Россіи до славянъ“ 1868 г.—*Амштетъ*,—„Die kulturwörter der Westfinischen Sprachen. 1877. Гельсингфорсъ. *Корсаковъ*,—„Меря и Ростовское княжество“. Каз. 1879.—*Гр. А. С. Уваровъ*,—„О мерянахъ по курганнымъ раскопкамъ“. Тр. I Арх. съѣзда.—*Веске*, „Славянофинскія культурныя отношенія по даннымъ языка“. Каз. 1892.—*Погодинъ*,—„Славянское передвиженіе“. 1902.

сияхъ поръ еще процессъ поглощенія и ассимиляціи финской стихіи восточно-славянской принадлежать къ числу крупнѣйшихъ фактовъ русской исторіи, хотя источники почти ничего не говорятъ о глухой культурной борьбѣ двухъ племенъ, можетъ-быть, двухъ расъ, которая на протяженіи вѣковъ тянулась въ лѣсахъ средней и сѣверо-восточной Россіи. Понятъ фатальный для финновъ исходъ борьбы мы въ состояніи будемъ только тогда, когда заглянемъ въ ихъ культурное прошлое и представимъ себѣ, съ какими ресурсами финны начинали борьбу съ восточно-славянскимъ міромъ. За свѣдѣніямъ по этому вопросу намъ не придется, конечно, обращаться къ писаннымъ источникамъ: эпоха, къ которой мы обращаемся, лежитъ внѣ горизонта нашихъ древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ. Нашими источниками могутъ быть только языкъ, археологія и результаты сравнительнаго изученія явленій общественной и духовной жизни современныхъ финскихъ племенъ. Для реставраціи прафинской культуры намъ будутъ служить заимствованія, которыя сдѣлали финны у сосѣдей. Эти заимствованія имѣютъ огромное значеніе въ качествѣ источника для исторіи финской культуры: они знакомятъ насъ съ народами, которые сосѣдствовали съ финнами на протяженіи вѣковъ доисторическаго періода, съ тѣми элементами культуры, которыя финны заимствовали то тутъ, то тамъ и косвеннымъ образомъ даютъ возможность представить себѣ ступень, на которой стояла ихъ самобытная культура.

Древнѣйшая
культура.
Иранское
вліяніе.

Къ числу самыхъ раннихъ и до извѣстной степени датирующихся культурныхъ заимствованій относятся у финновъ заимствованія изъ области *иранской культуры*; они восходятъ къ эпохѣ, когда на территоріи отъ Волги до Днѣпра жили еще полупастушескія, полужемледѣльческія иранскія племена. Эта эпоха предшествуетъ во всякомъ случаѣ появленію гуновъ на восточной Европѣ: со времени гуновъ южное Поволжье является уже на протяженіи ряда вѣковъ достояніемъ тюркскихъ племенъ. Но моментъ появленія гуновъ въ бассейнахъ Урала и Волги означаетъ только конецъ прямого иранскаго вліянія на финновъ, началось оно за много вѣковъ ранѣе; венгерскій филологъ Бернгардъ Мункачи констатировалъ фактъ, что названія нѣкоторыхъ металловъ, напр. золота, заимствован-

ныя финнами у иранцевъ, по своему звуковому составу соотвѣтствуютъ не позднимъ персидскимъ формамъ, а Zendскимъ и, стало быть, заимствованы были финнами не позже эпохи, когда Zendъ былъ вытѣсненъ новыми формаціями персидскаго языка, т.-е. не позже III в. до Р. X. Тотъ же Мункачи на основаніи звукового состава другихъ заимствованій предполагаетъ, что начало сношеній между финнами и иранцами предшествуетъ эпохѣ, когда образовался языкъ Авесты и клинообразныхъ надписей.

Соприкосновеніе съ иранскимъ міромъ внесло рядъ цѣнныхъ элементовъ въ содержаніе финской культуры: при посредствѣ иранскихъ племенъ финны познакомились съ металлами. Металломъ, который проникъ къ финнамъ прежде всего, была мѣдь: въ то время, какъ для золота, серебра, олова западные финны и лопари пользуются германскими заимствованіями, а восточные финны и мадьяры—иранскими, для мѣди у тѣхъ и другихъ употребляется одно названіе; оно проникло, стало-быть, къ финнамъ еще тогда, когда западные финны и лопари не обособились еще отъ остальнаго финскаго міра. Для оцѣнки иранскаго вліянія на финскій міръ существенно важно выяснить тѣ формы, подъ которыми финны познакомились съ металлами; этими формами являются орудія труда и борьбы: ножъ, топоръ, мотъ, стрѣла, молотъ, *лемехъ*. Появленіе лемеха въ числѣ словъ, заимствованныхъ финнами у иранцевъ, особенно важно; оно свидѣтельствуетъ, что иранцы ознакомили финновъ съ зачатками земледѣлія. Заимствованія для обозначенія рогатаго скота и овецъ дополняютъ картину переворота, который вызвало въ жизни финновъ соприкосновеніе съ Ираномъ. Кромѣ земледѣлія, благодаря иранцамъ, у финновъ явились и домашнія животныя—коровы, овцы. Заимствованія въ области общественныхъ отношеній, какъ, напр., термины для обозначенія владыки—*князя* и хозяина (*öксеj* въ пермскихъ нарѣч., *можеть-быть, ұза* у черемис.—сложное *вуг—ужа—царь—морд. азуг—хозяинъ, ост. отуг*), даютъ основанія предполагать, что по крайней мѣрѣ часть финновъ, жившая на югѣ территоріи, пережила періодъ нѣкоторой зависимости отъ иранцевъ, который повдигъ смѣнился зависимою отъ тюрковъ.

Сосѣды
финновъ.

Иранскія племена были сосѣдами финновъ на югѣ и юго-востоку; на западъ и сѣверо-западъ съ ними сосѣдили славяне, литовцы и германцы. По вопросу объ эпохѣ, къ которой восходятъ древнѣйшія соприкосновенія финновъ съ славянами, не установилось еще опредѣленнаго рѣшенія. Веске находилъ возможность допустить, что это соприкосновеніе имѣло мѣсто еще въ праславянскую пору, когда и у восточныхъ славянъ были въ употребленіи *юсы*. Менѣе спорной представляется эпоха литовскаго вліянія. Л. Нидерле на своей картѣ поселеній славянъ въ эпоху племенного единства представляетъ лето-балтовъ—сосѣдей славянъ съ сѣвера—непосредственными сосѣдами финновъ на востокъ. Данные археологіи позволяютъ въ настоящее время болѣе точно опредѣлить территорію, на которую простиралась *литовская культура*. Неподалеку отъ Тамбова при станціи Ляда хѣтъ 15 тому назадъ былъ изслѣдованъ могильникъ, предметы котораго весьма близко подходятъ къ инвентарю несомнѣнно лето-балтійскаго Люцинскаго могильника и болѣе западныхъ родственныхъ ему могильниковъ. Смѣшеніе западныхъ лето-балтійскихъ формъ и восточныхъ мерянско-пермскихъ наблюдается и сѣвернѣе Тамбова въ губерніи Рязанской. Въ бассейнѣ Оки по линіи Владимиръ, Рязань, Тамбовъ лето-балты, такимъ образомъ, подходили вплотную къ финнамъ и удержались здѣсь спорадически до X в., къ которому относятъ Лядинскій могильникъ.

Вліяніе
литовской
культуры.

Памятники, подобные Лядинскому могильнику, даютъ возможность опредѣлить часть того культурнаго достоянія, которымъ располагали лето-балты въ пору сосѣдства съ финнами и которымъ оказывали вліяніе на своихъ сосѣдей. Это главнымъ образомъ область костюма, украшенія и вооруженія. Слова, заимствованныя финнами изъ литовскаго, значительно расширяютъ сферу этого вліянія. Въ области матеріальной культуры это вліяніе сказалось расширеніемъ земледѣлія и скотоводства; финны познакомились теперь съ рожью, льномъ, съ изготовленіемъ сѣна, съ свиной, возой. Измѣнились подъ литовскимъ вліяніемъ и жилища финновъ: рядомъ съ коническимъ чумомъ и кудой-котой—бревенчатымъ шалашомъ безъ пола, потолка, оконъ—явилась теплая изба—*pirti* (черем. пёртъ), служившая и баней и жилищемъ, и дворъ около ея. У

литовцевъ же было заимствовано названіе для сухопутной дороги. Проникло вліяніе литвы и въ область религіозныхъ вѣрованій: богъ-громовникъ носить у Мордвы заимствованное литовское названіе—Пуркине, лит. Perkunas. Сильнѣе всего литовское вліяніе сказалось на западно-финскихъ племенахъ, жившихъ, какъ мы увидимъ далѣе, въ непосредственномъ со-сѣдствѣ съ ними на прародинѣ. Подводя итоги внѣшнимъ культурнымъ вліяніямъ, мы имѣемъ возможность установить, что, благодаря иранцамъ и литовцамъ, финны ознакомились съ элементами земледѣлія; не можетъ быть сомнѣнія, однако, что въ цѣломъ, считая племена, жившія далѣе на востокъ отъ будущихъ западно-финскихъ племенъ и Мордвы, они не могли выдержать сравненія съ древними земледѣльцами славянами. Культурныя вліянія сосѣдей южныхъ и западныхъ касались преимущественно пограничныхъ областей финскаго міра; внутри жизни этого міра опредѣлялась главнымъ образомъ вліяніемъ природы.

Положеніе отдѣльныхъ финскихъ племенъ на территоріи, которую мы очертили выше, въ древности значительно отличалось отъ современнаго. Существуютъ положительныя историческія свидѣтельства того, что финны исподволь *передвигались съ запада на востокъ и сѣверъ*: черемисы въ настоящее время живутъ главнымъ образомъ въ губерніяхъ Казанской, Вятской и Уфимской и только небольшими группами на востокѣ губерній Нижегородской и Костромской; между тѣмъ еще въ XIV в. они сражаются въ войскахъ галицкихъ князей, нападаютъ на Устюжскую область, опустошаютъ верховья р. Юга; мѣстныя названія, несомнѣнно, черемисскаго происхожденія, разбросаны по всей картѣ Костромской губерніи; мордва также продвинулась на протяженіи своей исторіи на востокъ, отгнѣсивши въ Засурья (уѣзды Алатырскій и Ардатовскій, Симбирской губерніи) чувашъ. Отдѣльныя мѣстныя названія Костромской и Казанской губерній (р. Унжа), преданія, сохраняющіяся въ нѣкоторыхъ чисто черемисскихъ краяхъ Казанской и Вятской губерній о борьбѣ съ былыми насельниками—вотяками, преданія вотяковъ о борьбѣ съ черемисскими богатырями на югѣ Вятской губерніи—все это свидѣтельствуетъ, что сѣверо-восточная часть Казанской губерніи входила уже въ составъ

Передвигались финновъ съ запада къ востоку и сѣверу.

Черемисы,
Мордва и
Мещера.

территоріи, которую когда-то занимали, можетъ-быть, еще не обособившіяся другъ отъ друга пермскія и югорскія племена. Черемисы и Мордва жили значительно западнѣе въ бассейнѣ Оки. Здѣсь къ нимъ примыкали другія исчезнувшія и продвинувшіяся дальше на западъ племена. Назовемъ прежде всего Мурому и Мещеру, о которыхъ говорить первоначальная лѣтопись, Муромъ исчезла безъ слѣда. По отношенію къ Мещерѣ дѣло представляется болѣе благоприятнымъ. Мещера обрусьла, но въ атакахъ XVI—XVII, относящихся къ территоріи, ею когда-то занятой (востокъ Рязанской губерніи) сохранились названія озеръ и урочищъ, личные языческія имена (живущія до сихъ поръ въ фамильныхъ прозвищахъ у извѣстной намъ Мещеры Пензенской губерніи), которыя позволяютъ достаточно прочно установить ближайшее родство ея съ Мордвой. Дальше на сѣверъ отъ Мещеры и Муромы жило третье, исчезнувшее въ настоящее время финское племя—мера. Мѣсто его въ семьѣ финскихъ народностей опредѣляется различно. Вопросъ о мѣстѣ Мери среди родичей—сосѣдей, можетъ-быть рѣшенъ лишь на основаніи богатаго археологическаго матеріала, который дала гр. Уварову Мерянская земля при раскопкахъ кургановъ, и этотъ матеріалъ говоритъ противъ ближайшаго родства мери съ югрой и черемисами; рѣшающее значеніе въ вопросѣ имѣетъ форма погребенія, практиковавшаяся у мери. Мери погребала въ *куранахъ*, которыхъ не знаютъ ни черемисы, ни Югра. Въ какой степени чуждо черемисамъ курганное погребеніе, свидѣтельствуется лучше всего то объясненіе курганамъ, которые встрѣчаются на крайнемъ западѣ Вятской губерніи (Яранскій уѣздъ): курганы, по толкованію черемисъ,—кучи земли, которыя отъ времени до времени вытряхивали изъ лаптей черемисскіе великаны-богатыри—онары. Мерю, такимъ образомъ, приходится отдѣлится отъ черемисъ и югры и поискать для нея другого родства. Поиски эти будутъ не трудны. На С. отъ верхней Волги, въ бассейнѣ С. Двины источникъ съ IX в. знаютъ народъ біармовъ или біарміяцевъ. Было время, когда историки соблазнились созвучіемъ, видѣли въ біарміяцахъ древнюю Пермь. Недоразумѣніе это въ настоящее время уже разъяслось. Еще въ IX в. современникъ Альфреда Великаго Отеръ высказалъ догадку, что біарміяцы и западные финны

Мера.

говорять однимъ языкомъ. Вотъ у этихъ-то родичей западныхъ финновъ мы и встрѣчаемъ курганныя погребенія какъ разъ въ ту пору, къ которой относятся мерянскіе курганы. Въ сагѣ о походѣ Торера-Собаки въ Біармію сообщается, что викингамъ извѣстенъ былъ обычай біармійцевъ насыпать надъ усопшими курганы въ лѣсахъ и класть въ нихъ вмѣстѣ съ ними деньги. Тореръ-Собака съ товарищами разрыли одинъ такой курганъ и выбрали изъ него заложенные въ одежды и перемѣшанные съ землей деньги.

Устанавливая мѣсто Мери въ семьѣ финскихъ племенъ, мы коснулись и западныхъ финновъ, жившихъ по С. Двинѣ. Упомянутый выше Отеръ на территоріи между теченіемъ С. Двины и Балтійскимъ моремъ встрѣтилъ приблизительно ту же этнографическую картину, что и наши лѣтописцы—западныхъ финновъ, лопарей (Теггіппа) и біармовъ—Заволоцкую Чудь. Слѣдуетъ замѣтить, что западные финны, включая сюда и эстовъ въ эпоху Отера были здѣсь еще относительно новыми людьми. Раньше до III вѣка приблизительно, они жили много ближе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Мордвой и исчезнувшими приокскими и приволжскими племенами. Памятникомъ этого былого сосѣдства является особенная близость западно-финскихъ нарѣчій, включая эстонское, къ 'мордовскому. Напр., эсты и Мордва имѣютъ одинаковыя названія для листовыхъ деревьевъ, произрастающихъ въ Средней Россіи,—яблони, клена, рябины, орѣха, смородины, термины для обозначенія поля, мѣста осѣдлости, строительные—мостъ, дверь, порогъ, загородъ, дворъ, влѣтъ—кладбища, средства передвиженія—лодка, весло, утвари—деревянныхъ сосудовъ, чашекъ, ковшей, песта, принадлежностей костюма и его матеріаловъ и процессовъ приготовленія—фибулы, перстней, конопля, веретена, шитья, вышиванія, термины, относящіеся къ земледѣлію—молотить, солома, хмель, къ растительной пищѣ—хлѣбъ и т. д. свидѣтельствуетъ съ несомнѣнностью о томъ, что балтійскіе финны нѣкогда жили въ сосѣдствѣ съ Мордвой. О томъ же быломъ и долговременномъ сожителствѣ говорятъ общія заимствованія изъ литовскаго въ мордовскомъ и эстонскомъ нарѣчійхъ.

Западные
финны.

Гдѣ могли жить около Мордвы эсты и другіе западные финны? Принимая во вниманіе, что побережья Оки были заняты Мордвою и родственными ей племенами, а по Волгѣ выше Нижняго жила Мера, можно предположить, что западные финны жили въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Тульской, Калужской и Московской и были непосредственными сосѣдями лето-балтовъ. Живя въ этомъ краѣ еще, западные финны съ начала нашей эры подпали вліянію готовъ, которые исподволь продвигались изъ Скандинавіи въ Черному морю. Лингвисты находятъ въ западно-финскихъ нарѣчіяхъ слова, по своимъ формамъ болѣе древнія, чѣмъ языкъ Ульфилы (IV в.). При Эрманрихѣ они вмѣстѣ съ восточными своими сосѣдями, мерей, мордвой, черемисами, по свидѣтельству Іордана, готскаго писателя VI в., входили въ составъ великой Готской монархіи. Весьма вѣроятно, что движеніе готовъ на югъ впервые разорвало связь между литовскими племенами и финскими и создало тотъ пробѣлъ, въ который позднѣе направилась славянская колонизація. Толчекъ для движенія славянъ на сѣверо-востокъ дали, несомнѣнно, послѣдовавшія за гунскимъ движеніемъ движенія другихъ тюркскихъ племенъ—прежде всего аваровъ. Лѣтопись сохранила воспоминанія о насиліяхъ обрвовъ надъ дулебами; мѣстныя названія рѣкъ и селеній среднихъ и сѣверныхъ губерній Россіи „дулебы“ свидѣтельствуютъ о томъ, что часть дулебовъ переехала отъ насилій обрвовъ на сѣверо-востокъ въ область финновъ.

Движеніе
готовъ.

Славянская
колонизація.

Колонизація Рязанской, Ростовской и Суздальской земли лежитъ за предѣлами нашей писаной исторіи. Какъ вели свою колонизаціонную и обрусительную работу Рязань, Муромъ, Суздаль и Ростовъ—извѣстій не сохранилось; предъ нами ея окончательные результаты въ видѣ обрусѣвшихъ или исчезнувшихъ мещеры, муромы, мери. Общій характеръ процесса можно, однако, возстановить, принявши въ расчетъ процессъ, совершившійся позднѣе въ Новгородской землѣ, условія физической среды и социальное развитіе финскихъ племенъ. Очертимо прежде всего общія условія взаимодѣйствія русскихъ колонистовъ и финновъ. Страна, занятая финнами, въ VIII—IX в. должна была представлять настоящее лѣсное царство; еще до сихъ поръ губерніи Костромская, Вологодская, Вятская, Ка-

Быть финновъ
въ эпоху
колонизаціи.

занская, Симбирская и Нижегородская покрыты на значительныя пространства лѣсами. Единственными путями передвиженія по этому лѣсному царству были рѣки; по нимъ направлялась финская колонизація, по нимъ отдѣльныя группы получали названія. Черемисы, живущіе въ лѣсахъ Казанской и Нижегородской губерній, до сихъ поръ различаютъ въ своей средѣ группы съ названіями по рѣкамъ—Вытля-марь (черемисы съ Ветлуги), Кокшамарь (черемисы съ Кокшаги), Рдэ-марэ (черемисы съ Рутки). У пермскихъ и югорскихъ племенъ (вотяковъ, пермяковъ, вогуловъ, остяковъ) входъ въ такую рѣчку—принадлежавшую какому-нибудь племени, изъ большой рѣки прикрывался земляными укрѣпленіями, остатки которыхъ въ видѣ городищъ покрываютъ губерніи Вятскую, Пермскую и Тобольскую. Былины и сказанія вотяковъ и остяковъ рисуютъ передъ нами картину тѣхъ отношеній, которыя имѣли мѣсто, когда эти городища еще служили финнамъ. Земляные городки главнымъ образомъ служили убѣжищемъ для обитателей той или другой рѣчки въ военное время, но они не оставались пустыми и въ мирное время; здѣсь жили съ своими ближайшими родичами родоначальники—внязья, здѣсь у остяковъ собирались для совѣщаній воины, здѣсь приносились при этихъ случаяхъ и жертвы. Составить себѣ представленіе о томъ, какъ велико было число людей, обитавшихъ въ городкахъ и тяготѣвшихъ въ нимъ, мы можемъ только, отправляясь отъ фактовъ, характеризующихъ современную социальную организацію восточныхъ финновъ. Кровный родовой союзъ составляетъ послѣднее слово социальнаго творчества этихъ племенъ.

Еще до сихъ поръ у вотяковъ и черемисъ можно прослѣдить процессъ превращенія большого двора въ болѣе или менѣе крупную деревню. Ядро, изъ котораго развивается вотская деревня, это—*азбаръ*, большой дворъ, на которомъ стоитъ нѣсколько жилыхъ домовъ для отдѣлившихся отъ общаго котла членовъ семьи и принадлежащія имъ хозяйственныя постройки. Съ возрастаніемъ семьи постройки для отдѣляющихся членовъ выносятся за предѣлы азбара, и родичи, ведущіе отдѣльное хозяйство, становятся сосѣдами (*болябъ*). Экономически отдѣльныя азбары вполнѣ самостоятельны, но во всѣ важные моменты жизни бывая солидарность восстанавливается. Объединяетъ

раздѣлившихся родичей прежде всего культъ усопшихъ. Въ поминальные дни всѣ родичи собираются для молитвъ въ домовый храмъ (куа) азбара—матери. Послѣ усопшихъ родичей объединяетъ и культъ стихійныхъ боговъ. Храмъ рода является центромъ, его объединяющимъ; иногда въ такой храмъ для общихъ родовыхъ молитвъ прѣзжаютъ родичи, выселившіеся болѣе или менѣе далеко отъ „старини“. Размѣры кровнаго союза не велики: наибольшее, это—нѣсколько сотъ человѣкъ. Для того, чтобы эти бытовыя условія нынѣшняго времени перенести въ далекое прошлое, слѣдуетъ имѣть въ виду необходимую поправку,—поправку, которая обуславливается степенью экономической культуры. Современный вотскій кровный союзъ, это—союзъ, вырастающій на почвѣ преобладанія земледѣльческой культуры. Земледѣліе даетъ людямъ возможность сосредоточиваться на относительно небольшихъ пространствахъ: вотяки—земледѣльцы населяютъ тысячами (6—7000) сравнительно маленькія волости, остяки—рыболовы и охотники въ количествѣ 6¼ т. занимаютъ цѣлый Сургутскій край, площадь котораго опредѣляется въ 192,000 кв. верстъ: тѣ же остяки въ количествѣ менѣе тысячи человѣкъ разсыпаны по всему бассейну Васъ-Югана, который имѣетъ около тысячи верстъ длины. Принимая во вниманіе то, что зыране до сихъ поръ являются больше охотниками, чѣмъ земледѣльцами, что въ лѣсахъ Костромской и Ярославской губерній было больше удобства для охоты и рыбной ловли, чѣмъ для земледѣлія, мы должны предположить, что кровные союзы, съ которыми могли имѣть дѣло русскіе колонисты Ростовско-Суздальской и Рязанско-Муромской земли, были меньше вотскихъ и приближались къ современнымъ остяцкимъ, которые насчитываютъ въ своемъ составѣ уже не сотни, а лишь десятки человѣкъ. Остяцкій эпосъ свидѣтельствуетъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ—предъ лицомъ сильнаго врага—эти изолированныя по рѣчкамъ роды объединялись для совместной борьбы. Знаетъ такіе союзы и исторія завоеванія Югорскаго края. Но обращались ли эти временныя союзы въ постоянную организацію, остается открытымъ вопросомъ; скорѣе можно предположить, что постоянная организація появилась уже послѣ русскаго завоеванія тамъ, гдѣ было дѣйствительное, ограниченное короткимъ періодомъ-